

На самом деле Лу Цзинхань такой добродушный человек у себя дома. Глядя на такого красивого молодого господина, которому поручили доставать вещи самостоятельно, сердце Ся Сяому раздулось от неопишуемого чувства достижения.

Две порции жареных пельменей, тарелка вареных пельменей и три тарелки соуса для макания вскоре снова были на столе, и юная Лу с тревогой ждала добавки, не боясь обжечься, схватив палочки и поедая свои пельмени.

Лу Цзинхань также налил две чашки молока из холодильника и передал им обе, а себе сделал чашку черного чая.

Со его стороны стола сразу же донесся аромат гималайского чая дарджилинг, который был любимым черным чаем Ся Сяому в изначальном мире. Он не мог не пойти и не посмотреть на него.

«Хочешь чаю?» - спросил его Лу Цзинхань.

Ся Сяому застенчиво кивнул: «Мне очень нравится аромат этого чая».

Лу Цзинхань слегка улыбнулся: «По совпадению, я тоже так думаю, что он хорош».

Он встал, подошел к журнальному столику, снова сделал чашку для Ся Сяому и протянул ему.

«Спасибо». Ся Сяому взял его и налил немного молока в чашку, взял маленькую ложку и аккуратно размешал, осветленный черный чай постепенно приобрел мягкий цвет молочного чая, а аромат стал более соблазнительным.

Лу Цзинхань спросил его: «Ты хочешь добавить сахар?»

Ся Сяому сказал: «Хочу добавить немного».

«Почему ты не сказал об этом раньше, почему ты такой вежливый, приходи и сделай его сам, когда захочешь выпить его позже».

Лу Цзинхань снова встал, подошел к стойке с кофе и взял коробку с кубиками сахара.

Затем он наблюдал, как Ся Сяому бросает два кубика сахара в чай.

Ся Сяому сделал глоток из маленькой чашки, вкус был все тот же, ностальгический.

Его улыбающиеся глаза искривились, а чистый голос сказал: «Спасибо, старший».

На его верхней губе все еще оставалось пятно от молочного чая, его кожа была белой, а губы алыми, пятно от молочного чая на верхней губе было хорошо видно, глаза Лу Цзинхана задержались на нем на две секунды и взгляд опустился в тарелку, где все еще ждали пельмени.

Лу Цзинъи спросила его: «Почему ты называешь его старшим? Я же называю тебя братом Сяому, так что ты тоже должен называть его братом».

Ся Сяому смутился: «Я... я не уверен, что это удобно».

Он никогда раньше не называл так никого другого.

Пельмени, вероятно, были приготовлены тетей Ван и были очень вкусными. Цзинъи все-таки была девушкой, поэтому она оставила несколько штук, а Ся Сяому и Лу Цзинхань съели их.

Готовить было несложно, но уборка была утомительной. Лу Цзинхань неуклюже следовал за Ся Сяому, вытирал стол и мыл тарелки, но не упомянул о том, чтобы отпустить Ся Сяому домой.

Лу Цзинхань был настолько осторожен, что не нанимал никаких других слуг, кроме тети Ван, и в большой вилле стало тихо, когда Цзинъи ушла в свою комнату.

Ся Сяому хотел пойти домой и стоял смущенным: «Что ж, старший, почему бы мне не пойти домой теперь?»

Лу Цзинхань посмотрел на него: «Ты умеешь водить? Цзинъи дома одна, мне не спокойно, я не могу отвезти тебя обратно».

Он знал, что у Ся Сяому не было водительских прав.

Впервые у него возникло такое невероятное желание оставить Ся Сяому дома.

Ся Сяому покачал головой: «Все в порядке, я могу вернуться сам. Я видел, когда приехал сюда, что это недалеко от автобусной остановки. Удобно возвращаться».

Глаза Лу Цзинхана потемнели, он либо хотел оставить этого человека у себя для чего-то, либо он особенно жаждал какого-то особого сигнала. Когда Ли Хай прислал ему сообщение о том, что хочет отвезти Ся Сяому домой, он необъяснимым образом согласился на это.

Тем не менее, эти два часа, проведенные вместе, стали для него самым спокойным моментом за последние годы.

Казалось, он нес в себе волшебную силу, способную успокоить всех его темных демонов и смахнуть всю усталость, словно серый мир стал ярче, и даже дыхание стало бодрым.

С тех пор, как они впервые встретились в кафетерии, эти яркие и лукавые глаза запечатлелись в его сердце, да и как могло быть иначе.

И когда он услышал, как Ся Сяому на улице утверждает, что он сам по себе, он все еще был в радостном настроении, хотя и знал, что Ся Сяому лжет ему, чтобы над ним не издевались.

Казалось, что после 23 лет жизни, он наконец-то был благословлен небесами, которые позволили такому человеку внезапно появиться в его жизни. На мгновение ему очень захотелось, чтобы Ся Сяому жил с ним, и он был готов с радостью тратить деньги на его содержание.

Но ему приходилось быть осторожным, потому что с самого детства, чтобы получить то, что он хотел, ему приходилось каждый раз прилагать в десять раз больше усилий, чем обычным людям.

Видя, что Лу Цзинхань не намерен отпускать его, Ся Сяому смутился и озабоченно почесал за ушами: «У меня есть дела на завтра, а Нин-Нин и остальные все еще ждут, когда я вернусь».

Перед ним стоял симпатичный мальчик, худенький и маленький, смущенный и не умеющий подобрать слова, но недостаточно сильный, чтобы сопротивляться ему, и выглядевший очень легко поддающимся запугиванию.

Лу Цзинхань чувствовал, что даже если его заставят остаться, он не будет злиться.

Чтобы доказать Лу Цзинханю, что Нин-Нин действительно ждет его, Ся Сяому достал свой телефон, чтобы показать ему сообщения Нин-Нин, и сразу же нашел две тысячи юаней, которые Цзинъи перевела ему.

«Старший, Цзинъи совершила ошибку!» Ся Сяому поспешно достал свой телефон и показал его Лу Цзинханю.

Лу Цзинхань притворился, что смотрит на него, и сказал: «Эта девушка очень умна, она не может ошибиться».

«Но...»

Лу Цзинхань так не думал: «Она считает, что это стоит того, чтобы заплатить тебе такую сумму. Не возражай, и не говори, что собираешься вернуть ей деньги, иначе она рассердится на тебя с ее-то характером».

Он облегченно рассмеялся: «Для нее это всего одна коробка ее любимых конфет, так что оставь деньги себе и пользуйся ими».

«Тогда хорошо, а что если у Цзинъи не осталось карманных денег?» Ся Сяому нерешительно кивнул и обеспокоенно спросил.

Лу Цзинхань громко рассмеялся: «Не волнуйся, она не сможет умереть с голоду».

Правда и то, что эта сумма денег была для него самого прожиточным минимумом, чтобы больше не голодать, но для брата и сестры она была практически ничтожной. Настаивать дальше - значит выглядеть мелочным.

Лу Цзинхань бросил на него еще один взгляд: «Ты действительно хочешь вернуться в дом своего друга?»

Если он не поедет, то придется переночевать здесь?

Ся Сяому не сказал этого вслух, а просто кивнул ему.

Лу Цзинхань: «Я пойду и поговорю с Цзинъи, а тебя отвезу домой позже».

Ся Сяому посмотрел вслед удаляющейся спине.

Вилла была большой и казалась еще более тихой ночью. Трехэтажный купол возвышался так высоко и широко, что даже Лу Цзинхань, поднимавшийся по лестнице, выглядел очень маленьким и казался немного заброшенным.

Если бы он уехал, на такой большой вилле остались бы только два человека, каждый из которых погрузился бы в огромное пространство одиночества и тишины.

Вспомнив, чем закончилась история двух людей в романе, Ся Сяому вдруг почувствовал себя еще более грустным.

<http://bllate.org/book/15896/1419159>